

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Л1 80.
50507.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 53
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1941

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ АНГЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
П. ОХРИМЕНКО

Издательство „Правда“
Москва — 1941

Отв. редактор - Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“

А43962

Заказ тип. 2852

Тираж 150.000

Статформат А—105×148 мм.

2 п. л.

Кол. зн. в п. л. 43.200

Цена 30 коп.

Подписано к печ. 13/Х 1941 г

Тип. „Красное знамя“, Москва, Сушевская, 21

В. ГАЙ КАРР

СО ДНА МОРСКОГО

Военные корабли ночного патруля зорко следили за всеми движениями неприятельских подводных лодок вокруг Британских островов. Легким крейсерам и эсминцам был отдан приказ в ночные часы идти полным ходом там, где особенно часто появлялись подводные лодки, и топить их, равно как и все прочие вражеские суда, без всякого предупреждения.

Приказ, предостерегающий все английские подводные лодки не заходить в зону, где оперировали суда ночного патруля, был отдан накануне того дня, когда подводная лодка «Г-17» должна была уйти в свою базу после патрульной службы у берегов Гельголанда.

Был прекрасный июльский вечер. Море было спокойное, на небе стояла почти полная луна, и в десять вечера капитан-лейтенант Грэхем, командир подводной лодки, поднялся в боевую башню, чтобы сменить штурмана Блэра.

— Чудесный вечер, Блэр, — сказал он, обра-

щаясь к штурману и полной грудью вдыхая чистый, свежий воздух.

— Очаровательный, — ответил Блэр. — Не верится даже, что нас здесь всюду сторожит смерть.

Несколько минут они стояли в полном безмолвии, оглядывая спокойную поверхность моря. Казалось, нигде здесь не было ничего, что таило бы в себе опасность.

— Гляди, гляди! — внезапно воскликнул Блэр, указывая на воду у самого носа подводной лодки. — Мины! Да и сколько их тут, целая дюжина!

Он бросился к переговорной трубе и отдал приказ круто повернуть руль вправо.

Нос лодки сделал резкий поворот, и отвратительные рогатые чудовища смерти проплыли совсем вплотную к левому борту.

— Счастье наше, что мы не натолкнулись на них прошлой ночью. Как видно, их унесло в море после недавней бури. Если это так, то последние две недели мы, значит, несли патрульную службу в зоне минных полей, — сказал Грэхем деловым тоном.

Быстро достали винтовки, и подводная лодка отплыла от мин на некоторое расстояние. Они начали стрелять в мины специальными пулями, сделанными из особенно крепкой стали. Попадая в крышку мины, пуля пронзала ее насквозь и падала в воду с другой стороны. Вода проникала внутрь мины, и она, обезвреженная, погружалась на дно.

Когда они стреляли в последнюю мину, пуля попала в один из ее рогов. Раздался страшный взрыв, высоко взвилось к небу пламя вместе со столбом густого черного дыма.

— Дьявольская штука! — проворчал Блэр. — Если поблизости окажутся неприятельские суда, они сразу обнаружат нас по этому дыму.

— Не думаю, — рассмеялся Грэхем. — А если и увидят, то подумают, что одна из наших лодок наскочила на мину. Они только порадуются своей удаче... Тем не менее они могут подойти сюда, чтобы убедиться, — добавил он.

Блэр взглянул на небо.

— Я думаю, положение звезд можно будет установить на рассвете, — сказал он. — Сейчас на небе ни облачка. Спокойной ночи, Грэхем.

И он спустился вниз.

Для удобства все три командира подводной лодки «Г-17» заранее распределили свою вахту.

Штурман стоял на вахте от 6 до 10 вечера, капитан-лейтенант — с 10 вечера до 2 утра, его помощник — с 2 до 6 утра. Такое распределение давало возможность штурману быть на вахте в сумерках и на рассвете, и он имел возможность наблюдать положение звезд в самые благоприятные моменты.

Последнее плавание подводной лодки «Г-17» было особенно трудным. Две недели она несла патрульную службу вокруг Гельгоlanda, и команда ни на минуту не знала покоя. То и дело где-ни-

будь вдали показывалось судно, и лодке тотчас приходилось погружаться, пока они не устанавливали, что это было за судно. Иногда оно оказывалось нейтральным, иногда же крохотным неприятельским тральщиком, на который жалко было даже расходовать торпеду. Два раза они открывали огонь по вражеским подводным лодкам, возвращавшимся на свои базы, и оба раза на поверхности впоследствии появлялись огромные маслянистые пятна, — очевидно, вернуться домой морским разбойникам не пришлось.

Последние два дня их неотступно преследовали неприятельские самолеты и эсминцы, и им по девятнадцати часов в сутки приходилось держаться под водой; с трудом даже выбиралось время, чтобы в ночные часы подняться на поверхность для зарядки батарей.

Напряженность от долгого пребывания под водой и невозможность как следует отдохнуть до такой степени измучили команду, что все были рады, когда наступила последняя ночь их патрульной службы.

Легкий ветерок дул с юга, образуя небольшую рябь на поверхности моря. Воздух был теплый и душный, и лодка чуть заметно покачивалась на волнах.

Раза два или три Грэхем внезапно ловил себя на том, что он засыпает стоя, убаюкиваемый легким покачиванием. Он решительно боролся с соблазном склониться на подставку перископа и,

чтобы отогнать от себя непреодолимую потребность сна, переговаривался с часовым на наблюдательном посту.

За две недели плавания Грэхему ни разу не пришлось поспать даже двух часов подряд. Глаза его были воспалены, и весь организм, в течение долгого времени лишенный отдыха, требовал сна. Бодрствование превратилось в какую-то бесконечную пытку. Несмотря на все усилия, глаза его закрывались сами собой, мозг погружался в бессознательное. Только тот может понять пытку, какую переносит человек, борясь со сном, кому приходилось в напряженной, боевой обстановке не спать неделями.

В переговорную трубу Грэхем отдал приказ сигнальщику заварить крепкое кофе и принести вверх. Он взглянул на часы — без четверти двенадцать.

«Еще два часа, и тогда можно будет поспать», — подумал он.

Глаза его закрылись. Внезапно вздрогнув, он проснулся. Он был страшно сердит на себя: он знал, что склонился на подставку перископа и заснул, заснул во вражеских водах, где полно мин, как он мог убедиться в этом два часа назад, заснул в тот момент, когда на нем одном лежит вся ответственность за команду. Виновато взглянул он на часы на руке. Он думал, что проспал не меньше десяти минут, но светящиеся стрелки

часов показывали без тринадцати минут двенадцать, его глаза были закрыты всего одну минуту!

В переговорную трубу он крикнул рулевому, чтобы сигнальщик поспешил с приготовлением кофе. Мысль о стакане крепкого кофе наполняла его покоем. Через пять минут Райт, несомненно, принесет ему.

Пять минут, какой соблазн закрыть на эти пять минут глаза, дать им хоть на короткое мгновение отдых! Он, конечно, услышит, когда придет Райт, и стакан кофе, несомненно, подбодрит его.

Пять минут! Только тот, кто прошел через подобное испытание, может представить себе, что отдал бы человек, который дошел до крайней точки человеческой выносливости, за пять минут сна! Он отдал бы охотно свое месячное жалованье, иные — даже свою душу.

Пять минут! Лишь краткое мгновение в ходе вечности, но за пять минут современный эсминец или легкий крейсер проходит три мили! Даже в ясную ночь невозможно различить на таком расстоянии низко сидящий на воде эсминец; закрыть глаза даже на полминуты — значит подвергнуть опасности судно и команду.

Когда же, наконец, явится сигнальщик с кофе? Снова взглянул он на часы. Казалось, прошел час с тех пор, как он смотрел на них, но стрелка показывала всего лишь без одиннадцати минут двенадцать. Не веря своим воспаленным глазами,

Он поднес часы к уху, но они, как всегда, равномерно отбивали секунды. Он склонился на подставку перископа, приложил бинокль к глазам и окинул взглядом горизонт. Нигде никакого суденышка! Он положил руки на подставку перископа и стал смотреть на яркую танцующую ленту лунного света. Свет этот вдруг стал ручейком, в котором он дома когда-то ловил форель. — он уже спал.

Очнулся он ровно через минуту. Беспроволочная мачта сильно ударила его, свалившись от выстрела. В ту же секунду до слуха его донеслись звуки орудийного огня. Вокруг лодки всюду вздымались вверх высокие столбы воды.

С противоположного направления тому, куда он смотрел, когда задремал, на всех парах шла флотилия неприятельских эсминцев. Луна бросала свои лучи на лодку «Г-17», холодные и жестокие, как луч прожектора.

Машинально Грэхем нажал кнопку, и по всей подводной лодке понеслись звонки сигнала «К погружению!» Затем он разъединил антенны и, быстро смотав провода, прикрепил их у перископа, чтобы их не смыло волной и они не попали в винт.

Лодка стала быстро погружаться. Грэхем стоял на трапе боевой башни, голова его чуть возвышалась над комингсом люка, и наблюдал, как вокруг падали снаряды. Некоторые лишь слегка касались воды и затем рикошетом со свистом пролетали у него над головой. Другие просто

перелетали через голову. Многие падали в нескольких футах от правого и левого бортов лодки.

Бум! Вода ударила ему в лицо, и он уронил крышку люка и быстро спустился в центральный пост. Сверху до него доносились звуки работающего винта.

Машинально взглянул он на часы: восемь минут до полуночи. Много может случиться в три минуты на вахте в подводной лодке.

Бум! Взорвалась первая глубинная бомба. Находившиеся в лодке скорее почувствовали взрыв, нежели слышали его. Грэхем заметил, что глубомер показывает 45 футов, и в уме у него мелькнула мысль, что эсминцы, проходя над ними, выпускают глубинные бомбы.

Бум! Корма внезапно поднялась вверх, и под крутым наклоном лодка стала скользить вниз, на дно.

Сон Грэхема как рукой сняло, но он сохранил спокойствие. 100, 150, 170, 200 футов показывал уже глубомер; 250, 270, 280, 300 футов. Дальше глубомер не показывал, но Грэхем заметил, что быстрота, с какой стрелка отмечала увеличивавшуюся глубину, постепенно уменьшалась.

Бум! Новый взрыв, но уже гораздо слабее.

Люди, свалившиеся на пол при сильном толчке, быстро вскакивали на ноги и занимали свои посты. Лодка приняла нормальное положение. Пока нигде еще не показалась вода, хотя штурман,

выйдя из переднего отсека, доложил, что передний люк сильно вдался внутрь.

Грэхем спокойно отдавал приказы. Скоро лодка находилась уже на глубине всего 60 футов и под полным контролем.

Все ждали нового взрыва глубинной бомбы, но его не последовало.

— Вероятно, они решили, что с нами уже покончено, когда мы попали под оружейный огонь. Вот они и ограничились всего лишь несколькими глубинными бомбами, чтобы добить нас, — сказал Грэхем, обращаясь к стоявшим вокруг.

— Негодяи опрокинули ваше кофе, сэр, — сказал сигнальщик, — но я сейчас приготовлю вам еще.

— Не надо, Райт, обойдусь и так. Старшина, выдайте всем по чарке рома, я думаю, мы это заслужили.

— Есть, сэр, по чарке рома!

— Мы как раз принимали какой-то приказ, сэр, когда эти негодяи сшибли мачту, — доложил Грэхему сигнальщик.

— Ну, теперь уже дело не поправишь, — сказал капитан-лейтенант.

— Это было что-то экстренное, сэр.

— Ладно, Райт, может быть, мы примем приказ позже. Не исключена возможность, что он предназначался для другой лодки.

Молодой капитан тут же забыл о происшедшем, не подумав о том, что приказ, который они дол-

жны были принять, являлся вопросом жизни и смерти для его лодки, и так как приказ не был принят, то лейтенант Блэр, штурман, взял тот же курс на Блит, что и прошлый раз, а этот курс проходил там, где английские корабли несли ночной патруль.

В сумерках на другой день они всплыли на поверхность и взяли курс к своей базе со скоростью 14 узлов в час.

Роландс, старший лейтенант, сменил капитана в 2 часа дня.

— Вызовите штурмана в четыре утра. К тому времени мы уже будем подходить к берегу.

— Есть вызвать штурмана вовремя... Спокойной ночи, приятных сновидений!

— Скорей будет кошмар, а не приятные сновидения после такой ночи, — буркнул Грэхем, спускаясь вниз по трапу.

Небо заволокло тучами, и полил дождь. На западе погромыхивал гром и сверкала молния. Ветер внезапно повернул с югозапада, и удары грома стали доноситься явственнее, чаще сверкала молния, дождь полил сильнее.

— Греми, греми, меня это не тревожит, — сказал Роландс вслух, обращаясь к разгулявшейся стихии. — Сегодня вечером горячая ванна, чистое сухое белье и хорошая постель!

Он рассмеялся и затем пропел весело: «Пусть гремит, пусть льет дождь!..»

Он был в хорошем настроении. Совсем недавно,

когда они заходили в порт последний раз, он женился, и дома его теперь ждала молодая жена.

К трем часам утра погода ухудшилась. Но они не подозревали, что идут точно по тому же курсу, где патрулировали суда ночного дозора.

— Старшина, поднимитесь сюда на минуту! — крикнул Роланде в переговорную трубу. — Погода становится несносной; штурман может изменить свои планы, и к берегу мы пристанем позднее. Вообще не мешает немного замедлить ход. Мы идем в мелких водах, где лодка может наскочить на подводные камни, — добавил он, обращаясь к старшине, когда тот поднялся наверх.

— Правильно, сэр. Плавать в этих местах опасно, — сказал младший лейтенант, быстро прячась за брезентовую защиту от налетевшей волны.

— Гляди в оба, Кокс! — предупредил Роланде свою смену.

— Есть, сэр, глядеть в оба, не беспокойтесь!

Роланде спустился по трапу боевой башни в центральный пост. Он подошел к карте, которую Блэр разложил на столе, и отметил на ней местонахождение своей лодки. Затем он решил зайти к штурману, чтобы поговорить с ним о погоде, будучи уверен, что Блэр уменьшит скорость и отложит до рассвета их вход в порт.

Роланде только что вошел в передний отсек, который занимали Блэр и сигнальщик, как вдруг лодку что-то так ударило в борт, что она страшно накренилась и Роланде распластается на полу.

Но он быстро вскочил на ноги и в люк трюмной переборки, отделявшей центральный пост от носового отсека, увидел острый нос легкого крейсера, врезавшийся в левый борт почти до середины центрального поста.

Стальная броня лодки была пробита и вогнулась внутрь, образовав рваную дыру, в которую потоком хлынула вода. Огромные, в полутонну весом батареи были сдвинуты со своего места под полом, и, как только соленая морская вода смешалась с кислотой батарейных баков, облако ядовитого хлористого газа поднялось над полом.

Лодка накренилась назад, приняв перпендикулярное положение и оторвавшись от протаранившего ее носа легкого крейсера, и холодные серые воды Северного моря ринулись в нее с ревом водопада. Роланде мгновенно прихлопнул водонепроницаемую дверь и крепко зажал ее запасными рычагами. Раздался отвратительный металлический треск, и лодка раскололась надвое. Носовой отсек, в котором заперся Роланде вместе с Блэром и сигнальщиком, носом повернулся ко дну благодаря тяжелым торпедам в трубах на носу. Секунды две он стоял на месте, словно подвешенный на канате, затем причудливым спиральным движением стал опускаться на дно. Несколько мгновений, показавшихся вечностью, никто из них не сказал ни слова, затем Блэр прохрипел:

— Где мы? Что случилось? Есть тут еще кто-нибудь? Говорите, говорите... ради бога, говорите!

— Я здесь, Блэр, старина. Это говорю я, Роландс. Нашу лодку протаранили, и она пошла ко дну. Мы в ужасном положении...

Его голос перешел в мучительный стон.

— Я тоже здесь... Это говорит Райт, сэр. Зачем вы не дали нам утонуть... Зачем прихлопнули дверь, это ужасно! — закончил он громким всхлипыванием.

— Ничего, Райт, ничего, — ответил Блэр, пытаясь успокоить сигнальщика, но то, что он сказал: «Ничего, Райт, ничего», — как-то особенно задело его собственную душу, и он рассмеялся истерическим смехом.

— Подойдите сюда, ко мне. Мы спокойно должны обсудить наше положение. Прежде всего мы должны сохранять спокойствие.

Это опять заговорил Роландс, но голос его внезапно дрогнул, и он начал бормотать мучительно:

— Милли, моя дорогая, да сохранит тебя господь!

Он вспомнил вдруг свою молодую жену. Не прошло еще месяца, как они поженились, и вот она уже вдова!

— Сэр, я поищу запасную лампочку, которая должна быть здесь на случай аварии. Думаю, что найду ее.

Придя уже немного в себя, Райт начал шарить рукой по стальной стене их гроба. Щелкнул штепсель — и вспыхнул свет. Райт натолкнулся на одну из портативных батарейных лампочек.

— Вот хорошо! При свете легче умирать, чем в этой страшной тьме. Ну, что мы будем делать?

Голос Роландса уже звучал твердо и спокойно.

— Ни чер.. ничего! — поправился Блэр. Слово, которое так часто употреблялось им в повседневной жизни, казалось теперь неуместным в их положении. — Ничего! — повторил он. — Остается только ждать... ждать конца. И не надо впадать в панику. Мы должны сохранять здравый смысл, держать себя в руках. Если мы не потеряем голову, смерть для нас будет легче. Спокойствие прежде всего.

Помолчав немного, он добавил еще более твердым голосом:

— По мере того как нам не будет хватать воздуха, мы постепенно впадем в сонное состояние и упокоимся навеки. Каждый человек должен умереть. Какая разница: будем ли мы умирать здесь в течение трех суток или дома в постели в течение трех недель?

Блэр говорил это для того, чтобы успокоить своих товарищей. Себя он не хотел обмануть, он прекрасно сознавал разницу.

— Если бы удалось спастись хоть одному человеку из нашей команды, то тогда не все еще потеряно. Как только подберут его, к нам на выручку пришлют водолазов, — сказал Роландс.

Этим он хотел подбодрить себя и других, зная, что они находятся в британских водах, хотя в ду-

ше он прекрасно сознавал, насколько безнадежно было их положение.

Прошли сутки — двадцать четыре мучительных часа. Кто-нибудь из них вдруг падал духом, и тогда товарищи всячески старались поддержать и утешить его, потом то же происходило с другим, и тот, который только что снова овладел собой, начинал утешать его.

Роландсу и Блэру пришлось выдержать большую борьбу с Райтом. Сигнальщик отыскал где-то заряженный револьвер и хотел сразу покончить счеты с жизнью, и стоило большого труда, чтобы удержать его от такого шага.

— Если нам суждено умереть, мы умрем как воины, а не как низкие трусы! — сказал Блэр, который неизменно сохранял спокойствие и время от времени подбодрял своих товарищей.

Воздух был сырой и холодный. Все трое сбились в кучку и дрожали от холода. У них был запас воды, но не было никакой пищи. Хорошо, что был свет, а также часы: они могли знать время. Лампочку они зажигали на некоторое время и затем гасили, стараясь как можно дольше сохранить свет: они продолжали жить надеждой, что, может быть, хоть один человек из их команды спасся и к ним придут на помощь.

Прошли вторые сутки. Все трое попрежнему сохраняли мужество. Дышать с каждым часом становилось труднее. Голода они не ощущали. Чтобы скорее шло время, они поочередно рассказывали

что-нибудь, пробовали даже сами сочинять в ожидании смерти, которая милостиво должна была избавить их от всех страданий.

Но вот в их сознание ворвался соблазн: они обратили внимание на походную аптечку, где среди других лекарств оказались таблетки морфия. Стоит только принять хорошую дозу морфия каждому из них, и они мирно уснут, навсегда покопив со всеми мучениями.

— Мне противна мысль о самоубийстве, — сказал Блэр. — Если надо умереть, я умру чистым, но я не стану возражать против небольшой дозы морфия, чтобы можно было сном подкрепить свои силы, а проснемся мы потом или не проснемся — это уже не так важно.

Его товарищи согласились с ним.

Небольшая походная аптечка была прибита к трюмной перегородке, и все трое собирались уже проглотить по таблетке морфия, как вдруг звуки корабельного винта нарушили мертвую тишину их могилы.

Надежда мгновенно зажгла их сердца. К ним идут на помощь! Неужто их, в конце концов, спасут водолазы?

Но их ждало горькое разочарование: патрульное судно, совершенно не подозревая о трагедии, разыгрывавшейся на дне моря, под ним, прошло мимо.

Реакция привела к отчаянию, и долгое время они сидели в тупом ожидании, но этот случай

отвлек их мысли от морфия. Молчание нарушил Роландс:

— Мы находимся примерно на глубине ста футов. Внешнее давление здесь — около пятидесяти фунтов на квадратный дюйм. Если бы у нас было в достаточном количестве сжатого воздуха, чтобы поднять давление в этом водонепроницаемом отсеке до пятидесяти фунтов, то мы смогли бы открыть крышку люка и попытаться спастись.

Его слова прозвучали неубедительно.

— У нас есть воздух только в торпедных аппаратах, — сказал Блэр рассеянно. — Но, боже мой! — воскликнул он вдруг. — Ведь этого вполне достаточно! К такому способу можно прибегнуть только в отчаянии, но всякая попытка лучше, чем сидеть сложа руки. Можно наполнить водой торпедные трубы, затем вода постепенно начнет наполнять отсек через заднюю дверь. По мере наполнения отсека водой давление воздуха в нем будет подниматься. Мы взберемся тогда вверх до самой крышки люка, откроем ее, а там уж будь, что будет!

— То есть из огня мы попадем в полымя? Хороший выбор, нечего сказать! — и Роландс рассмеялся нервным смехом. — Нет, лучше я приму морфий — и кончено! — сказал он решительно. — Если бы нам даже удалось выбраться на поверхность моря, то мы ведь не сможем проплыть двадцать миль до берега.

Это было верно: если бы даже они и могли вы-

браться из этой могилы, то их все равно ожидает смерть. Они могут покончить самоубийством, могут умереть медленной смертью от недостатка воздуха, могут утонуть, одно было совершенно ясно: они должны умереть.

Час или больше сидели они молча в полном мраке. Свет в батарейной лампочке становился все слабее, а им хотелось сохранить его как можно дольше.

Время от времени слышно было, как Роландс бормочет: «Бедная Милли! Моя девочка!» Он знал, как она будет страдать, как будет надеяться вопреки всякой надежде в течение многих дней и месяцев.

Блэр сказал:

— Судя по моим часам, скоро наступит рассвет третьего дня. Мы можем прожить еще сутки, не больше. Я думаю, нам надо подготовиться: наполнить отсек водой, поднять давление воздуха, приладить платформу под самой крышкой люка и сидеть на ней в ожидании, чтобы мы могли, как только услышим звуки винта, отбросить крышку и... положиться на судьбу. Что вы на это скажете?

— Это все можно сделать, но я сомневаюсь, чтобы мы могли не дышать, пока не поднимемся на поверхность, — сказал Роландс.

— У нас с тобой есть жилеты Ривса. Мы их надеем, а Райта поместим между нами. Жилеты эти

очень помогут нам быстро вынырнуть на поверхность, — сказал Блэр.

Тщательно обсудили они все детали, но, приступив к выполнению своего плана, поняли, насколько их силы были истощены. Несмотря на достаточные размеры отсека воздух уже стал совершенно непригодным для дыхания; кроме того на них страшно действовало бесконечное напряженное состояние.

При малейшем движении дыхание вырывалось у них из груди ввиде глубоких вздохов, их руки и ноги словно свинцом были налиты, глаза лихорадочно горели, и тяжелая, тупая боль ощущалась в висках. Тем не менее, собрав последнюю силу, они решили привести свой отчаянный план в исполнение.

Часть лодки, в которой они были заперты как в могиле, легла на дно носом, зарывшись в песок. От этого пол принял наклонное положение примерно в тридцать градусов. Немножко впереди водонепроницаемой двери находился люк, через который торпеды спускались в отсек.

План, который они выработали, можно сказать, был отчаянным, но вполне осуществимым.

Медленно, делая большие усилия, работали они при слабом свете батарейной лампочки, строя из разного материала, попадавшегося под руку, небольшую платформу под самой крышкой люка носового отсека. Они использовали цепи, служа-

щие для поднятия торпед, чтобы скрепить ими деревянные планки, сорванные с пола.

Покончив с устройством платформы, они отвинтили рычаги, открывавшие колпачки на носу труб, чтобы трубы наполнились водой, но вода не пошла. Повидимому, выходные отверстия нижних труб глубоко зарылись в песчаное дно. Поскольку они не могли наполнить трубы водой, то весь успех их плана теперь зависел от того, удастся ли им наполнить водой отсек через задние двери труб. Если они смогут постепенно наполнить водой отсек, это повысит давление заключенного в отсеке воздуха, и когда это давление сравняется с давлением воды снаружи, двери можно будет закрыть и выпустить сжатый воздух торпедных аппаратов, чтобы этим еще больше повысить давление воздуха в отсеке. Потом они откроют крышку люка, и воздух, который вырвется наружу огромными пузырями, быстро унесет их на поверхность.

Если же им не удастся наполнить отсек водой через трубы, их последняя надежда, как бы слаба она ни была, окончательно рухнет.

Они открыли колпачки последнего, верхнего ряда труб и слегка приоткрыли заднюю дверь.

Какая радость! За все время их ужасного приключения они испытали необыкновенное чувство счастья, когда вода начала наполнять отсек.

Медленно поднималась вода все выше и выше, пока не дошла им уже почти до подбородка. Во-

да была холодная, как лед. Тогда они закрыли заднюю дверь и выпустили воздух из торпедных аппаратов, их барабанные перепонок сразу почувствовали повысившееся давление воздуха.

Проделав все, что было необходимо, они, дрожа от холода, взобрались на грубо сколоченную платформу, вверху над водой, под самой крышкой люка, и тесно прижались друг к другу, чтобы согреться.

— Ну, посмотрим теперь, что с нами будет, — сказал Блэр.

— А как ты думаешь? — спросил Роланде.

— Или утонем в открытом море или будем замерзать здесь то тех пор, пока совершенно не зачоченеет и не свалимся с платформы в воду, — ответил Блэр.

— По-моему, лучше всего морфий, — сказал Райт. — Ниоткуда ни малейшего звука. Тихо, как в могиле, и напрасно мы думаем выбраться отсюда, мы сразу утонем. Я чувствую, что я вот-вот сойду с ума. Не могу дольше выносить эту напряженность. Лучше я приму морфий и... усну.

Бедный Райт — храбрый, всегда веселый, беззаботный малый — дошел до крайней точки выносливости и человеческого терпения, но морфия сейчас уже не было под рукой, и он не мог его достать.

— Ш-ш! Слушайте! — прошипел вдруг Роланде.

Какие-то звуки донеслись до них. Что-то снаружи царапало стальной корпус лодки. Что бы

это могло быть? Они напрягали слух, чтобы лучше уловить звуки, но не могли отметить ни стука машин, ни дрожания винта.

— Похоже на то, как будто кто проволокой царапает о борт, — сказал Блэр.

— Да, но если бы спасательное судно шло нам на помощь, то мы раньше услышали бы стук машин или винта, — сказал Роландс.

Снова слышались те же царапающие звуки, и они напрягали все свое внимание, чтобы определить, что это такое.

Железным ключом они несколько раз ударили по стальному борту лодки и затем стали ждать в напряженном состоянии, но ответного звука не последовало. Все, что до них доносилось, — это все те же странные, царапающие звуки.

— Попробуем счастья, — сказал Блэр. — Всякая попытка лучше, чем бездействие.

Райт стал возражать. Он считал, что их дело обречено на неудачу.

— Будет, будет тебе, Райт, старина, какая разница? Или спасемся или погибнем. Мы много вместе претерпели за последние двое суток, так и умрем вместе, но только не в этом гробу, а в открытом море.

— Ладно, что вам, то и мне, согласен.

Блэр и Роландс надули свои спасательные жилеты и заняли места по обе стороны Райта. Блэр ослабил винты, прижимавшие крышку люка;

— Ну как, готовы? — спросил Блэр, ощупывая последний винт.

— Уже!

Блэр сдвинул последний винт, и крышка люка с шумом взлетела кверху.

Огромными пузырями устремился вверх вырвавшийся на свободу воздух, унося их с собой. Все вверх и вверх неслись они в абсолютном мраке. Их легкие, казалось, готовы были разорваться, барабанные перепонки сжимались от боли.

Постепенно мрак стал рассеиваться, и с громким плеском их вынесло на поверхность, прямо перед изумленными лицами трех рыбаков, которые, склонившись над бортом рыболовного судна, размышляли о том, как вытащить сети, зацепившиеся за что-то на дне моря.

Быстро втащили их на борт судна и отвели в каюту капитана, где их закутали в теплые одеяла и напоили горячим кофе.

Капитан рыболовного судна с глубоким интересом слушал их почти невероятную историю, которую они рассказали ему в кратких словах. Затем он приказал команде срезать сети, зацепившиеся за обломки подводной лодки «Г-17», и судно взяло курс на Блит.

ТЭПРЕЛЬ ДОРЛИНГ

ИСТОРИЯ МЭТЬЮ КОНОЛЛИ

I

При беглом взгляде на улыбающееся румяное лицо Мэтью Конолли, бывшего шкипера британского торгового флота, вряд ли можно было подумать, что в жизни этого человека была какая-либо печаль.

Представьте себе моряка лет под сорок, небольшого роста, коренастого, широкоплечего, с покачивающейся походкой и звучным голосом. Морской воздух и соленые брызги придали его лицу цвет темнокрасного дерева. Шапка густых вьющихся волос, слегка поседевших на висках, украшала его голову; щеки и подбородок топорщились золотистой порослью, которую, казалось, не могла взять никакая бритва, а из-под густых, мохнатых бровей сверкали серые глаза.

Его веселость была настолько естественной, что действовала на всех заражающе. Вот он смотрит на вас пристальным взглядом, слегка склонив на-

бок голову и выставив вперед одно ухо, словно к чему-то внимательно прислушивается. Затем его румяное лицо начинает собираться в морщины, глаза суживаются, и внезапно он разражается громким безудержным смехом.

В первый раз я встретил его во время войны в поезде железной дороги; мы оказались на одной скамейке, и между нами завязалась беседа. Мы говорили о войне, о море, о службе во флоте, а потом коснулись его личной жизни, и он сказал мне, что едет в отпуск на семь дней к своей жене и маленькому сынишке. С какой-то особенной любовью упомянул он имя жены и своего малыша. Потом он рассказал мне несколько эпизодов из своей службы во флоте. Это были настолько захватывающие приключения, что я слушал его с напряженным интересом. Его рассказ прерывался иногда громким заразительным смехом, от которого не мог удержаться и я.

После этого случая я встречался с ним много раз и таким образом близко познакомился с историей его жизни. Мэтью Кополли принадлежал к числу тех людей, к которым привязываешься все больше с каждой новой встречей.

Он остался сиротой в раннем детстве и совершенно не помнил своих родителей. Детские годы он провел в семье дяди по материнной линии, и до пяти лет ему жилось хорошо: дядя и его жена любили мальчонку и воспитывали его, как родного сына. Потом тетка умерла, и дядя женился во вто-

рой раз на женщине крутого нрава, которая с первого дня возненавидела юного Мэтью. Когда в семье появились новые дети, мальчик стал каким-то козлом отпущения и при всяких семейных неурядицах на него валились все шишки. Не раз его сильный, независимый дух восставал против деспотизма тетки, но уйти он никуда не мог и поневоле продолжал жить в семье. В то время, как его двоюродные братья и сестры всегда были хорошо одеты и обуты—дядя держал бакалейную лавку, и дела его шли прекрасно,—Мэтью ходил оборванный и почти босой. Его двоюродные братья и сестры учились в частных школах и пансионах, а Мэтью удалось лишь познакомиться с начатками грамоты в начальной школе. Дядя, находившийся под башмаком своей второй жены, был или слишком робок или слишком занят своими делами, чтобы заступиться за племянника.

Я потому так подробно остановился на ранних годах жизни Мэтью Конолли, что эти годы лишений, постоянных обид и оскорблений имели огромное влияние на формирование его характера. Они внушили мальчику любовь к независимости и выработали в нем умение постоять за себя; в пятнадцать лет, после особенно бурной ссоры с теткой, он без гроша в кармане покинул дядин дом, решительно и навсегда порвав всякие отношения с этой семьей.

Дядя, надо отдать ему справедливость, попытался вернуть беглеца под свой кров, но это ему не

удалось. Тогда он предложил племяннику денежную помощь, на что Мэтью ответил следующим характерным письмом, написанным каракулями:

«Дорогой дядя, я поступил на корабль матросом и чувствую себя счастливым. Деньги мне ненужны. Передайте тетке, что я не вернусь. Мэтью».

Спустя три года дядя умер и юноша остался один в мире, лишившись своего единственного друга.

II

Несмотря на мрачные предсказания тетки, что, оставшись без помощи дяди, он погибнет, Мэтью прекрасно сумел устроиться в жизни. Он начал свою жизненную карьеру матросом на рыболовном судне и к двадцати одному году, быть может, благодаря счастливому стечению обстоятельств, но больше всего благодаря упорному труду и настойчивости он уже был помощником капитана небольшого рыболовного судна.

Казалось, он обладал врожденной любовью к морю, тем счастливым качеством, которое дает возможность моряку знать Северное море, как собственную ладонь, безошибочно судить о повадках и излюбленных местах рыбы и уметь в любую погоду находить эти места, не руководясь ни солнцем, ни звездами, а лишь бросая время от времени лот в воду.

Его ценили как знатока своего дела, и в двадцать четыре года ему был предложен пост капитана.

Старый Амос Бэкли, капитан рыболовного судна «Луч надежды», погиб во время бури — его смыло волной, — и Мэтью занял его место.

Через три года он женился на девушке с мягким характером, которая всем сердцем полюбила его. Мэтью, никогда не знавший материнской любви, нашел большое счастье в браке и в свою очередь крепко полюбил жену. Вся горечь безрадостного существования, казалось, навсегда ушла из его жизни. А когда в семье появился сын, Мэтью почувствовал новую радость и стал еще больше трудиться и заботиться о семье.

Когда вспыхнула война и морское министерство обратилось к морякам с призывом вступать добровольцами во флот для обслуживания многочисленных судов торгового флота, реквизируемых правительством, Мэтью записался одним из первых. Он был принят в число моряков, которые должны были со своими судами нести патрульную службу и вылавливать мины, и ему была выдана форма военного образца. Он занял пост командира на тральщике «Луч надежды»; этот тральщик стал неотъемлемой частью британского флота и должен был подчиняться всем правилам и распоряжениям, касающимся внутреннего распорядка и дисциплины на нем.

С течением времени, когда Мэтью совершенно перестал существовать как отдельный капитан отдельного судна и целиком вошел в многочисленную семью капитанов из Гулля, Тайна, Абердина и

Флитвуда — людей, говорящих на всех наречиях английского языка, но вовлеченных в одно общее дело, дело войны, он нашел, что ему очень нравятся его новые обязанности. Нынешняя его служба была несколько не труднее службы мирного времени. «Луч надежды» теперь был занят не рыболовством, а вылавливанием мин вдоль побережья, чтобы торговые суда беспрепятственно могли совершать свои рейсы; некоторые же суда посылались далеко в море нести патрульную службу в зоне действия германских подводных лодок. Иногда работа Мэтью была скучной, монотонной, иногда крайне интересной, но всегда очень опасной.

«Луч надежды» стал настоящим военным кораблем, вооруженным небольшой пушкой, совершавшим плавание под военно-морским флагом и подчиненным всем законам и правилам морского министерства.

III

Несколько раз в течение ночи глухой дрожащий звук отдаленной канонады с легким ветром доносился с запада. Временами небо на западе сверкало и искрилось мириадами крошечных танцующих огней, оранжевых и красных, — то были взрывы снарядов зенитных орудий. Небесный свод то и дело освещался бледно-голубыми лучами многочисленных прожекторов, то вонзавшихся в небо на целые мили, то мгновенно погасавших, то поднимавшихся

высоко вверх, то внезапно исчезавших, точно какие-то гигантские пальцы ощупывали небо.

Раза два глухой, грохочущий гул, словно раскаты отдаленного грома, доносился до слуха команды «Луча надежды». Это германские цеппелины сбрасывали бомбы, но взрывы эти несколько не нарушали душевного покоя Мэтью и его товарищей, несших патрульную службу вдоль побережья.

Шел 1918 год. Уже почти четыре года кипела война, и моряки Северного моря давно привыкли к воздушным налетам. На огни, сверкавшие высоко в небе, они обращали так же мало внимания, как если бы то были невинные вспышки фейерверков.

С полудня вдруг стали поступать одно за другим донесения по беспроволочному телеграфу. Отдаленные патрульные суда сообщали о приближающихся к побережью цеппелинах. Незадолго до заката матросы с «Луча надежды» насчитали не меньше пяти гигантских чудовищ, по форме напоминавших колбасу, которые, выступая резко очерченными силуэтами на темнеющем вечернем небе, летели с востока, построившись в виде буквы У, как стая гусей во время перелета. Они летели на высоте не меньше двенадцати тысяч футов.

И вот теперь, в половине третьего утра, когда рассвет уже медленно разгорался на восточном небе, Мэтью заспанным взглядом наблюдал в окно штурвальной рубки, как темная ночь постепенно уступает место дневному свету. В одной руке он дер-

жал чашку дымящегося какао, в другой — зажженную трубку.

— Хотел бы я знать, где они будут лететь обратно, — сказал он, обращаясь к рулевому и поворачивая голову, чтобы еще раз окинуть взглядом темный горизонт на западе. — Вот уже часа два на побережье не слышно никакой стрельбы.

— Сейчас они уже на полдороге к дому! — сказал рулевой. — Не везет нам за последнее время!

— В чем? В том, что не удалось ни одного сбить, Джордж? — спросил Мэтью.

— Да. Их, проклятых разбойников, надо бы сбивать каждый раз! Сколько невинных детей и женщин они убили!

Мэтью допил свою чашку какао и тыльной частью руки вытер губы. Дальнейший разговор был нарушен приходом телеграфиста.

— Получен приказ следить за поврежденными цеппеллинами, сэр! — взволнованно сказал он, передавая бумагу командиру.

— А, вот это — то, что нам надо! — воскликнул Мэтью, и лицо его озарилось радостью. — А ну-ка, паренек, прочти, что там говорится.

— «Всем военным кораблям и вспомогательным патрульным судам, — прочел юноша. — Зорко следите за цеппеллинами, подбитыми артиллерийским огнем. Один из них идет на восток в зоне 19. Держится на совсем небольшой высоте».

— Подбитые цеппеллины! — радостно воскликнул

рулевой. — Если вон та черная точка на горизонте — не один из них, то я отвечаю фунтом табака!

Он на минуту оторвался от руля и взволнованно указал рукой на запад. «Луч надежды» тотчас повернул назад и прибавил ходу.

Здесь надо заметить, что для глаза цеппелин, летящий на большой высоте, и цеппелин, держащийся невысоко над поверхностью моря, — две совершенно разные вещи. Подбитый цеппелин с огромным желтым корпусом, летевший на высоте менее чем сто пятьдесят футов над водой, заполнил собой весь горизонт, когда они подошли к нему поближе. В предутреннем свете он казался каким-то гигантским чудовищем, своими размерами превосходившим самый большой пароход, какой только можно себе представить.

Он делал отчаянные усилия подняться выше, кружился и кружился, как раненая птица, то держа курс прямо на «Луч надежды», то отклоняясь в сторону. Повидимому, он был поврежден основательно. Пока они наблюдали за ним, он опустился еще ниже — его острая корма все больше опускалась к поверхности воды, а тупой, неуклюжий нос был устремлен в небо.

«Луч надежды», вздрагивая всем корпусом, на всех парах летел в сторону гибнущего воздушного корабля. Облако дыма, поднявшееся на северо-западе, возвестило о приближении другого судна, тоже мчавшегося к месту гибели цеппелина. Это был единственный соперник «Луча надежды».

— Полный вперед, Джим! — крикнул Мэтью в переговорную трубу в машинное отделение. — Гони, сколько можно!

И Джим, зная, что происходит наверху, гнал судно так, как ему никогда еще не приходилось.

С восьми километров расстояние быстро уменьшилось до шести, с шести — до четырех, с четырех — до одного.

Гигантский воздушный корабль все еще боролся за свою жизнь, пытаясь подняться выше; моторы в передней гондоле ревели нестройным гулом, а воздух от пропеллеров так волновал поверхность моря, словно на него порывами налетал вихрь. В бинокль Мэтью видел огромные всплески воды — то сбрасывали груз с цеппелина, чтобы облегчить его. Воздушное чудовище умирало, парализованное, и опускалось все ниже и ниже. На его желтом брюхе четко выделялись в лучах заходящего солнца черные кресты и номер.

Бум! — раздался первый выстрел с «Луча надежды», и одновременно цеппелину был подан сигнал сдать. Снаряд перелетел через нос воздушного корабля и взорвался, подняв столб пенистой воды и клубы дыма.

Бум! — на этот раз еще ближе.

Рев моторов цеппелина мгновенно смолк, и его корма коснулась воды. Затем задняя гондола опустилась на море, и огромный корпус чудовища, вращаясь на задней части, медленно стал погружаться

в воду — над поверхностью торчали лишь его нос и передняя гондола.

Бум! — снова раздался выстрел с «Луча надежды», и большая рваная дыра образовалась в носу воздушного корабля — снаряд пролетел сквозь него, не взорвавшись.

Раздалось еще два выстрела — и еще две дыры появились рядом с первой. В люке передней гондолы показался человек с белым флагом и принялся им размахивать.

Высунув голову из окна штурвальной рубки, Мэтью кликнул Моксона, своего помощника.

— Чарли, — сказал он, когда Моксон явился на его зов, — спусти шлюпку и поезжай спасать этих разбойников. Прихвати с собой револьверы, и если они вздумают буянить и не подчиняться, — ты знаешь, что надо делать.

— А если они откажутся сдаться?

— Тогда скажи им, что я до тех пор буду палить по ним из орудия, пока не загорится эта их подлая штука. Я думаю, они не пожелают сгореть. Поговори с ними как следует, Чарли!

Быстро приближался другой тральщик.

Никто из команды «Луча надежды» никогда еще не видел на близком расстоянии живого немца, тем более — немецких летчиков. Вся команда горела желанием захватить пленных во что бы то ни стало. Поэтому меньше чем в пять минут, в течение которых соперничающий тральщик приблизился на полмили к цеппелину, шлюпка с «Луча надежды»

подошла к нему почти вплотную. Немцы тотчас стали бросаться в воду и плыть ей навстречу. Одного за другим втаскивали их в шлюпку, и, когда были спасены девятнадцать человек команды воздушного корабля, шлюпка, глубоко сидевшая теперь в воде, повернула к своему судну.

— Ну как, всех забрал? — спросил Мэтью, когда шлюпка подошла к тральщику.

— Два офицера и семнадцать солдат! — крикнул в ответ Моксон.

— Скорей их сюда, на борт! — приказал командир.

Вымокшие до костей пленные один за другим поднимались на палубу. Мэтью вышел из штурвальной рубки, чтобы опросить их.

Только он успел задать несколько вопросов, как позади его грянул взрыв. Обернувшись, он увидел, что передняя гондола цеппелина окутана облаками серого дыма и вокруг нее в воду сыплются обломки. Скоро дым рассеялся, и гондола повисла в воздухе обрывками металла и материи, а по брюху воздушного чудовища поползли дрожащие языки яркоглубого пламени.

Менее чем в полминуты голубое пламя превратилось в огненнокрасное, затем все слилось в огромное оранжевое пятно, а вслед за этим вся передняя часть воздушного корабля вспыхнула ярким пламенем. Столб густого черного дыма поднялся высоко в воздух, и огонь, бушевавший, как в доменной печи, быстро охватил весь воздушный корабль. Ту-

пой нос цеппелина погрузился в воду, и теперь казалось, что горело и дымилось самое море.

Воздух так накалился, что «Луч надежды» поспешно взял шлюпку на буксир и отплыл подальше. Но не успел он отойти и на полмили, как все уже было кончено. Раздались трескучие, шипящие звуки: огонь и вода пришли в соприкосновение. Струн белого пара в фантастическом сочетании пронзали облака дыма. Пламя мерцало еще некоторое время и наконец погасло — на поверхности моря осталась лишь длинная полоса черного дыма, лениво тянувшегося к небу. Но вот рассеялся и дым, и в том месте, где полчаса назад покоился на воде огромный воздушный корабль, не осталось ничего — только огромным пятном чернело море, усеянное обломками сгоревшего цеппелина, да облако пара поднималось над ним.

«В ночь с 19 на 20 цеппелины совершили налет на восточные графства, — сообщалось в официальном коммюнике. — Они были встречены интенсивным огнем наших самолетов и зенитных орудий, которые отогнали их. Были сброшены бомбы в разных местах, но военные объекты не пострадали. Один из цеппелинов, будучи подбит и летя на небольшой высоте, сбросил бомбу на окраине одного города, попавшую в небольшой дом. Находившиеся в доме женщина и ребенок были убиты. Согласно полученным точным сведениям, больше жертв не было. Подбитый цеппелин упал в море на некотором расстоянии от берега, и почти вся его коман-

да была подобрана одним из наших патрульных судов. Другой упал на землю, объятый пламенем, и сгорел целиком со всей командой».

Тон этого официального сообщения был в высшей степени ободряющий — видно было, что налет потерпел полную неудачу. Но в жизни Мэтью Колли налет этот имел страшные последствия.

Ибо, по жестокой случайности, домик, на который упала бомба, оказался его домом.

IV

К восьми часам утра густой туман, висевший над морем всю ночь, стал медленно рассеиваться под лучами яркого солнца. Серая пелена, ограничивавшая видимость до нескольких сот ярдов, мало-помалу поднималась вверх кольцами дымчатого пара, и час спустя все это превратилось во что-то неприятное и неопределенное — не то туман, не то ясная погода. Такие капризы атмосферы нередко можно наблюдать в южной части Северного моря.

Небо над головой было яркоголубого цвета, но над поверхностью моря туман висел в виде отдельных, низко плавающих облаков, напоминавших клочки ваты. Видимость то простиралась на четыре — пять миль, то вдруг море заволакивалось туманом и горизонт отстоял не дальше, как в полумиле. Это был один из тех душных дней, когда нет ни малейшего ветерка, который мог бы охладить воздух и рассеять туман. Тяжелая, удушающая ат-

мосфера была насыщена электричеством — чувствовалось приближение грозы.

«Луч надежды» нес сторожевую службу, выполняя обязанности пастуха и пастушьей собаки по отношению к группе рыболовных судов, и весь день неясные очертания его стада, рассеянного на пространстве в несколько миль, то исчезали, то вновь появлялись.

Никаких особенных причин для беспокойства не было. Ни один неприятельский корабль не показывался в этой зоне уже несколько недель. Тем не менее необходимо было соблюдать бдительность, поскольку германские подводные лодки имели обыкновение появляться именно там, где их меньше всего ожидали.

День клонился к вечеру, не принося никакой приятной перемены погоды. Ровно в семь минут пятого, когда тральщик был окутан густым облаком тумана, внезапно с севера донеслись звуки канонады. Казалось, стреляли совсем близко, и Мэтью, только что сдавший вахту Моксону и спустившийся вниз, чтобы выпить чашку чаю, сейчас же вернулся в штурвальную рубку.

Еще два выстрела потрясли воздух. Мэтью бросился к рулевому и, слегка оттолкнув его, сам взялся за руль. Тральщик дал полный ход.

— Людей к пушке — живей! — крикнул Мэтью своему помощнику. — Всего можно ждать. Как видно, стреляют из крупных орудий.

Но люди не нуждались в приказе. Быстро сбе-

гались они со всех сторон, одетые и полураздетые, чтобы занять свои посты.

Ф-ю-у-у-бум! Новый выстрел, за которым последовал глухой звук взрыва шрапнели, и резкий визг где-то над головой.

Пальба продолжалась.

Мэтью так привык ко всякого рода опасностям, что страх был совершенно чужд ему. Он испытывал только необыкновенное волнение и страстное желание знать, что случилось. Он знал, что ему предстоит выполнить долг, который сейчас был очень ясен и прост: он должен как можно скорее попасть туда, где шла канонада. Все прочее в данный момент не имело значения.

Если бы только рассеялся этот проклятый туман, чтобы он мог видеть, где происходит бой. Тогда он знал бы, как ему действовать! Но туман стал еще гуще — видимость уменьшилась до полумили.

Дьявольская канонада продолжалась, становясь все громче и громче, воздух вокруг вздрагивал от выстрелов. Напряженье становилось мучительным. Где-то за этим туманом, совсем близко, такие же, как он, моряки сражаются за свою жизнь, но где и с кем они сражаются, — он не знал.

Но вот, словно по волшебству, оружейная пальба смолкла, и тотчас раздался резкий свист выходящего пара.

Туман отполз в сторону, заметно рассеиваясь, и перед «Лучом надежды» открылась широкая поляна чистого водного пространства. Поляна эта шири-

У кормы подводной лодки забурилась вода. Не обращая больше внимания па тонущих матросов с разбитого тральщика, лодка двинулась вперед, одновременно открыв огонь из своих орудий. У самой кормы «Луча надежды» со свистом шлепнулась в море шрапнель.

Новая вспышка огня, свист, треск — и «Луч надежды» весь вздрогнул, дерево и железо вихрем взвились к небу, и штурвальная рубка наполнилась волной едкого пикринового дыма: шрапнель попала в посовую часть тральщика.

Выстрелы теперь следовали один за другим, пока не слились в один сплошной гул.

Врываясь в этот гул, воздух прорезывали жуткие взвизги снарядов, глухие удары отдаленных взрывов, жужжание взлетающих вверх осколков дерева и железа, адский треск и шум, — казалось, все пневматические молотки в мире со всей силой долбили корпус «Луча надежды». Удар следовал за ударом. Корабль трепетал и вздрагивал. Передняя его часть была объята пламенем, огненные языки уже подбирались к окну штурвальной рубки, наполняя ее едким запахом, дымом и газами горячей краски. Становилось трудно дышать, Мэтью кашлял и отплевывался.

Отказавшись от намерения протаранить подводную лодку, поскольку ему не удалось подойти к ней вплотную, он поставил свой тральщик бортом к лодке, чтобы обстрелять ее из пушки. Это было

единственное, что оставалось делать. Счастливое попадание даже небольшого снаряда могло вывести лодку из строя или заставить ее уйти в глубину.

Мэтью прекрасно сознавал, что его тральщик вступил в свой последний бой. Он знал, что он и его команда смотрят в лицо смерти. Возможность бегства ни на секунду не приходила ему в голову. В короткие интервалы между выстрелами вражеских орудий он слышал пальбу из своей собственной пушки. Хотя положение было безнадежно, но эта пальба радовала его.

В просветы в окружавшем его облаке тумана и дыма Мэтью видел иногда длинный серый корпус подводной лодки вместе с зловещими языками пламени, вырывавшимися из ее орудий. Изредка поднимавшиеся вверх столбы воды где-нибудь рядом с ней указывали на то, что его пушка стреляла неплохо, хотя для людей, стоявших у пушки, почти невозможно было видеть объект обстрела.

Но «Луч надежды» получил уже несколько пробоин — и его скорость, в силу какого-то повреждения в машинном отделении, упала настолько, что он еле двигался.

Раздался новый выстрел, столб золотистого пламени взвился над кормой, и дымовая труба, в самое основание которой угодила снаряд, зашаталась, как пьяная, и свалилась на палубу. Волна горячего дыма ворвалась в штурвальную рубку, один угол которой был уже сбит. В следующую ми-

нугу новая шрапнель взорвалась на палубе—стальными осколками палуба и борта были пробиты во многих местах. Рулевой схватился за бок, и между его пальцев ручьем хлынула кровь. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать... Покачнувшись, он повалился на палубу лицом вниз и затих.

Перешагнув через труп убитого, Мэтью бросился к рулю. Но руль уже оказался ненужным: «Луч надежды» выбыл из строя.

Мэтью был ранен. Внезапно почувствовал он тупую, жгучую боль в левом плече, попытался поднять руку — усилие заставило его поморщиться от боли. Бросив взгляд вниз, он с некоторым удивлением увидел, что кровь стекает по его руке и частыми каплями падает на пол. Голова его закружилась, слабость разлилась по всему телу, и он еле удержался на ногах.

Какое-то страшное привидение, с черным от дыма лицом, с зияющей раной во лбу, из которой лилась кровь, с обрубком правой руки, вползло в штурвальную рубку. Это был Моксон.

— Капитан! — прохрипел он. — Капитан! Все люди у пушки убиты! Судно горит, и мы бессильны бороться с огнем!..

Не успел он сказать все до конца, как снова раздался выстрел и на борту взорвалась еще одна шрапнель. Осколок, угодив Моксону в бок, прикончил его.

Мэтью решил перебраться из штурвальной рубки на палубу, чтобы посмотреть, как быть дальше. Но

только он показался на палубе, как раздался новый взрыв.

Его подбросило высоко в воздух. У него было такое чувство, что он падает, падает... Но удара от падения ему испытать не пришлось: за это короткое мгновение, еще раз раненый в шею и в спину, Мэтью потерял сознание.

Прошло минут пять, прежде чем он очнулся, а может быть, и двадцать пять: время для него не существовало, и, когда он опять открыл глаза, оружейная пальба уже стихла.

Мэтью лежит рядом с безжизненным телом своего помощника. Он тяжело ранен и истекает кровью, но сознание его продолжает работать, несмотря на адскую боль во всем теле. Он видит, что тральщик встал кормой кверху под невероятным углом, и по тому, как он покачивается, можно было сказать, что конец его приближался.

Пожар на корабле уже стих, хотя облака пара и дыма и изредка языки пламени все еще поднимались над кормой. Вся кормовая часть корабля напоминала кучу железного лома, среди которого кое-где чернели недогоревшие обломки деревянных брусьев; пушка лежала опрокинутая, жерлом указывая в небо, вокруг в разных позах валялись скрюченные тела команды. Кроме Мэтью никто больше не подавал никаких признаков жизни.

Но его сознание попрежнему продолжало работать. Желание узнать, что случилось с подводной лодкой, захватило его, хотя инстинкт подсказывал

ему быть осторожным. Он знал, что стоит ему только поднять голову, и опять начнется пальба. И, не поднимая головы, он с невероятным усилием пополз брюхом по палубе к огромной зияющей пробине. Он напрягал последние силы и, добравшись до дыры, осторожно выглянул наружу.

Подводная лодка лежала неподвижно ярдах в двухстах, греясь на поверхности, как огромный кит. У орудий все еще в боевой готовности стояла команда, и жерла их были направлены в сторону «Луча надежды». Офицер в боевой башне рассматривал в бинокль остатки тральщика.

На корме тральщика, побитый и порванный, печально трепыхался флаг на флагштоке. Мэтью обрадовался, увидев флаг, — он был горд сознанием, что «Луч надежды» не сдался врагу, что он погрузится в морскую пучину с развевающимся флагом. С флага его блуждающий взгляд перецесся на два огромных предмета цилиндрической формы, прикрепленных к наклонной подставке на изгибе кормы.

— Господи! — вырвалось у него со вздохом, и отчаянная мысль пронзила его мозг.

Снова взглянул он осторожно в сторону подводной лодки: командир уже не смотрел в бинокль, а отдавал какие-то приказания своему помощнику. За кормой подводной лодки тотчас забурила вода: она шла к тральщику.

Мэтью выхватил из-за пояса большой матросский нож и пополз вдоль палубы. Левая его рука висе-

ла безжизненно, следы крови оставались после него, и малейшее движение для него было настоящей пыткой, но он продолжал ползти. Шаг за шагом подвигался он вперед, время от времени останавливаясь, чтобы набраться сил.

На палубе валялся короткий железный лом, и Мэтью, отбросив нож в сторону, схватил лом правой рукой. После долгого мучительного передвижения по палубе, тяжело дыша и страшно ослабев от боли, он, наконец, очутился под изгибом кормы тральщика — цилиндрические предметы были теперь совсем близко у него над головой. То были глубинные бомбы. Германская подводная лодка уже приближалась к тральщику. Быть может, она хотела захватить драгоценный флаг и обыскать судю, не окажется ли на нем секретных документов или приказов. Мэтью радовался в душе, видя, в какую ловушку она идет.

До него уже доносились плеск воды и голоса. Голоса эти слышались все ближе и ближе. Он напряг все силы своего израненного тела и приготовился действовать.

Послышался стук, и что-то коснулось борта тральщика. Лодка подошла вплотную, каждую минуту немцы могли вскочить на борт судна, и тогда план Мэтью будет сорван. Действовать надо было быстро — сейчас или никогда!

Напрягни все силы, он вскочил на ноги, бросился к глубинным бомбам и ломом начал бить по их предохранительным задвижкам. Как обезумев-

ший, ударял он раз за разом; кто-то крикнул, где-то рядом раздался револьверный выстрел, но он продолжал наносить удары ломом, забыв обо всем на свете. Одна из задвижек отлетела, и первая глубинная бомба с плеском упала в воду.

Сверху на подводной лодке раздались крики, и тотчас пуля прожужжала над его головой. Он увидел офицера, стоявшего на носу лодки, — дымящийся револьвер у него в руке был направлен прямо ему в лицо. Но он не обратил на это никакого внимания и с прежней яростью продолжал наносить удары.

Вторая глубинная бомба свалилась за борт.

Внезапно он почувствовал, как что-то горячее, словно кусок раскаленного добела железа, впилося ему в бок. Перед глазами у него мелькнул револьвер в руке офицера, стоявшего на носу лодки. Выстрелы следовали один за другим. Еще одна пуля впиалась ему в шею, но он уже не думал о том, что с ним будет, и выпрямился во весь рост, держась за поручни, тяжело дыша и истекая кровью.

— Ну что, попались, подлые разбойники! — громко кричал он и, прицелившись, изо всех сил швырнул ломом в офицера, собиравшегося прыгнуть с лодки на борт тральщика. Лом угодил офицеру в грудь, и тот, как сноп, свалился за борт. Матью только рассмеялся от радости.

Пуля попала ему в голову. Ноги под ним подкосились и он свалился замертво. В ту же минуту

раздался страшный взрыв под водой, за ним — другой. Огромный столб воды поднялся над кормой судна и рассыпался веером брызг. Тральщик буквально подбросило вверх, но Мэтью не признавал уже ничего.

Легкий туман поднялся над местом катастрофы и быстро рассеялся.

Весть об участии «Луча надежды» и его врага, германской подводной лодки, доставило на берег небольшое рыболовное судно, возвращавшееся с ловли в Северном море.

Матросы из команды судна рассказали о двух столкновениях их маленького флота с подводной лодкой, причем одно из их судов было потоплено. Но они также рассказали, что они слышали два страшных взрыва и собственными глазами видели, как «Луч надежды» пошел ко дну с развевающимся флагом на корме. Рядом с остатками «Луча надежды» они видели другое судно — огромную серую подводную лодку, которая погрузилась носом в воду, настолько поднявшись вверх кормой, что ее руль и винт ясно были видны. Команда лодки металась по ее наклонной палубе и, увидев их судно, стала громко звать на помощь. Подводная лодка медленно погружалась в морскую пучину. Когда их судно подошло ближе, немцы стали бросаться в воду, а их лодка, указывая кормой в небо,

словно наконечником огромной стрелы, навсегда исчезла под водой, лишь бурлящая пена осталась на поверхности.

Они подобрали несколько раненых англичан со своего потопленного рыболовного судна и много немцев из команды подводной лодки, в том числе двух офицеров, которых они взяли в плен. Но им не удалось подобрать никого с «Луча надежды», хотя они целый час обследовали место катастрофы.

Итак, где-то в серых глубинах Северного моря покоятся останки Мэтью Конолли и его товарищей. Могилей им послужил их собственный, расстрелянный в унор тральщик, надгробным памятником им служат пенные гребни волн. Надпись на надгробном памятнике заменяют им облачка дыма в небе от проходящих судов, а морские чайки, носящиеся над поверхностью моря, печальными своими криками оплакивают их.

Но память об этих простых, скромных тружениках, отдавших свою жизнь за родину, вечно будет жить в сердцах тех, кто знал и любил их, а Мэтью Конолли, который прекрасно расправился с врагом и умер, как герой, был моим другом.

УОРД МЮР

АКУЛА

— Должен вам сказать, что в молодости я был очень отважным, — начал мой друг Харборо. — Я занимался понемногу журналистикой, но мои тайные помысли были сосредоточены на том, что выражается двумя словами: «видеть мир». Имея в виду эту цель, я пустился в плавание на грузовом пароходе, с капитаном которого я случайно познакомился. Формально я числился экономом, а на самом деле был гостем капитана. Суда, подобные «Дельфину», экономов не имеют.

Нет нужды передавать историю нашего плавания или же распространяться о нашей жизни на пароходе. Достаточно будет сказать, что посреди Атлантического океана в машинах «Дельфина» произошла поломка, и пароход остановился.

Если вам когда-либо приходилось испытывать что-нибудь подобное во время большого плавания, то

вы знаете, что есть что-то зловещее в этом внезапном прекращении работы машин посреди океана. Попасть в полосу штиля и застыть на месте с парусным судном тоскливо и скучно, но застыть на месте, находясь на пароходе, — это кажется настолько странным, что порождает страх. День и ночь машины стучат так, что их стук проникает до мозга костей, и внезапное прекращение этого стука невольно ошеломляет вас.

Когда «Дельфин» вдруг остановился, я бросился на палубу с такой поспешностью, словно мы наскочили на льдину. Вокруг нас было только море, море, море, но я нисколько не изумился бы, если бы увидел впереди скалистый остров, льдину, разбитое бурей судно или еще что-нибудь, что могло послужить причиной нашей внезапной остановки.

Машины на «Дельфине» были старые, поломки случались часто, но пароходные механики всегда прекрасно справлялись с починкой. Мне сказали, что пароход двинется примерно через сутки, а пока нам представлялась неограниченная возможность любоваться достаточно однообразными красотами океана.

Стоял полный штиль: не было ни малейшего ветерка, на безоблачном небе — яркое солнце. Пока «Дельфин» находился в движении, температура воздуха казалась нам довольно прохладной, теперь же, когда мы застыли на одном месте, жара становилась все более ощутимой.

Море было гладко, но эта гладь не означала, что

оно было спокойно. Наоборот, «Дельфин» сильно качало на мертвой зыби. Поверхность этой зыби была без единой морщины, отполированная и блестящая, как глазурь, но ее холмы были гигантской высоты, ее долины — гигантской глубины, гораздо выше и гораздо глубже, чем я представлял себе в то время, когда работали машины и мы двигались. Теперь же, качаясь беспомощно на воде, мы то поднимались вверх, на блестящую вершину огромного водяного вала, то падали вниз. И размеренные эти взлеты, и головокружительные спуски гигантских качелей происходили, что особенно удивительно, при полном отсутствии ветра. Это была в высшей степени необычная картина. Огромные водяные валы никогда не разбивались, и даже у бортов парохода не слышалось ни малейшего плеска. «Дельфин» просто качался на волнах, но так плавно, словно скользил по маслу.

Зрелище это захватило меня. Стоя у поручней и наслаждаясь чудесной качкой, я постепенно сделал открытие, что мы ни на один фут не двигались ни вперед, ни назад, — мы просто поднимались и опускались по вертикальной линии.

Это открытие, на первый взгляд пустяковое, страшно меня заинтересовало. Я достал у повара пустую жестяную коробку, бросил ее в море как можно дальше от парохода и стал следить за ней. Вы, может быть, скажете, что эту жестянку должно было отнести в сторону таким сильным колебанием волн или же прибить ее к борту парохода,

но на самом деле она все время оставалась там, где упала, и спустя час приблизилась к пароходу не больше, как на десять дюймов.

В уме у меня постепенно созрела идея. Я смотрел вниз на воду. Она походила на зеленое стекло, и в ней можно было видеть на несколько футов глубину. Стоя на корме, я чувствовал уже порядочную жару, и, может быть, поэтому море за бортом казалось мне весьма привлекательным. Внезапно я повернулся к сладко дремавшему капитану и сказал:

— Я хочу выкупаться!

— Выкупаться? — удивленно посмотрел на меня капитан.

— Да. А почему бы нет?

Капитан лениво пробормотал, что купаться на такой глубине опасно. Как будто в воде в три мили глубиной скорее можно утонуть, чем в воде глубиной в три сажени! Моряки в этом отношении — очень странный народ. Я не хочу сказать, что они не умеют плавать, хотя смело можно утверждать, что средний моряк — плохой пловец. Но они такие.. ну, как бы это сказать? — они так не предприимчивы. Находясь в сфере постоянных приключений, они совершенно не замечают окружающего и не проявляют склонности ни к приключениям, ни к романтике.

Я был молод, все свои годы прожил в городе и тем не менее в одном моем мизинце было больше предприимчивости, чем во всем старом черепе это-

го капитана, изъездившего весь свет. Я решил искупаться именно посреди Атлантического океана! Я учился плавать в скромной общественной купальне, а теперь хотел попробовать этот вид спорта в купальне глубоинной в три мили. Эта мысль захватила меня.

— Я великолепно плаваю,—сказал я капитану.— Вы за меня не беспокойтесь.

— Но ведь волны отнесут вас далеко!

— Никаких волн нет. Вы только взгляните на эту жестянку. Поверхность океана напоминает натянутую веревку, которую дергают посредине. Колебания веревки похожи на волны, которые как будто проходят от одного конца до другого, но ведь муха, сидящая на веревке, остается на месте; она только скачет вверх и вниз. Уверю вас, что волны не могут мне угрожать.

Капитан попробовал было возражать, но жестянка блестяще опровергала все его возражения. И он в конце концов разрешил мне спустить веревочную лестницу. Я быстро разделся, спустился вниз по лестнице и бросился в воду.

Взмахнув десяток раз руками, я отплыл на некоторое расстояние, затем остановился и осмотрелся вокруг. Вода была холодноватая, но не до такой степени, чтобы нельзя было в ней оставаться. Во всяком случае, я был настолько захвачен своей идеей, что не обращал на это никакого внимания. Позади меня гигантской скалой возвышался «Дельфин», я никогда раньше не представлял себе, ка-

ким чудовищем кажется с поверхности воды судно в пять тысяч тонн. Я видел собравшуюся у поручней кучку матросов, капитан стоял на корме, откуда-то из нутра парохода ко мне доносились звуки молотов — механики исправляли машины, — и я отметил, что эти звуки слышались более явно, чем когда я был на борту парохода.

Мертвая зыбь казалась мне страшной, когда я находился на палубе «Дельфина»; здесь же она была ужасной. Кристаллический холм, у подножия которого я покачивался, как будто упирался в небеса. Вдруг совершенно незаметно для глаза я с головокружительной быстротой взлетал вверх и смотрел сверху вниз в глубь блестящей поверхности. Казалось, я все время падал и тем не менее никогда не падал до конца: я незаметно спускался с вершины холма в долину, а через мгновение опять поднимался на его вершину и смотрел вниз, в огромную бездну, или бросал гордый взгляд вниз — вниз! — на палубу «Дельфина».

Это было что-то невероятное. Никогда еще я не испытывал такого восторга, как во время этого купанья посреди Атлантического океана. Я знал и чувствовал, что впечатление от этого исключительного удовольствия останется у меня на всю жизнь. Я даже смутно мечтал о том, как я буду рассказывать всем, что я купался в океане на глубине в три мили... Но не стану распространяться о тех тщеславных мыслях, которые зарождались в моем уме. Скоро я забыл о них. Я поднялся на высшую

ступень восторга, очарования, невыразимой радости. Я покачивался в хрустально-прозрачной воде, не утруждая себя движением. Я безвольно отдался этим головокружительным взлетам и падениям, этой мощной, прекрасной стихии, чувствуя себя в одно и то же время и бесконечно ничтожным и бесконечно великим.

Лежа на гребне огромного вала, я испытывал такое чувство, — когда вдруг начинал лететь вниз, — что я или разобьюсь на смерть в конце своего полета, или буду поглощен ужасной встречной волной. Но я хорошо знал, что ничего подобного случиться не может. Спокойно двигал я руками и ногами, почти презрительно подчинившись могучему, ритмическому, ласкающему дыханию океана, поднимавшему меня при каждом колебании на высоту башни и затем нежно опускавшему в огромную пропасть.

В эти минуты величайшего блаженства я вдруг подумал об одном несуразном факте, о том, что я не замочил даже волос на голове, и тотчас же решил нырнуть. Но в это мгновение до меня донеслись громкие крики с «Дельфина». Я повернулся лицом к пароходу и увидел, что капитан во-всю размахивает руками и кричит, но разобрать, что он говорил, я не мог. Матросы тоже кричали во все горло, а один из них поспешно наматывал на руку веревку, как будто собирался бросить ее мне.

Что это все означало?

В пылу своего восторга я не мог сразу понять,

в чем дело. Мне казалось, они вообразили, что у меня начались судороги, так как я не плавал, а болтался на одном месте. Я успокоительно помахал им рукой, но они продолжали кричать и жестикулировать... Тогда я повернул голову в ту сторону, куда они указывали пальцами, и сразу понял, в чем дело.

На вершине огромной горы, на которую я начал подниматься, я увидел темное пятно на фоне прозрачной глади воды. Оно имело форму, в определении которой трудно было ошибиться, форму огромной рыбы: акулы. Плавник акулы разрезал воду, как нож. Одну только секунду глядел я в ту сторону, и в эту секунду я с удивительной отчетливостью заметил все малейшие детали — матовую гладь океана, сверкающий гребень волны, сапфировую голубизну неба над водой и особенно ярко—силуэт акулы.

Я видел теперь малейшее ее движение, а что она двигалась, в этом не могло быть никакого сомнения: сбоку оставался след из водяных пузырьков, а позади плавника кинула пена.

Акула не была пассивным элементом в этой морской стихии: она господствовала над ней и пробивала волны с точностью и стремительностью мины. Я вторгся в царство, в которое не имел права вторгаться, и один из его стражей спешил наказать меня!

Изумительно связанная цепь мыслей, подобных этой, пронеслась в моей голове. Это заняло, быть

может, одну десятую часть секунды, и затем я без малейшего промедления бросился плыть к «Дельфину». Мои руки и ноги работали с бешеной быстротой, я плыл так, как никогда в жизни. Я просто ринулся вперед, как обезумевший. К счастью, я находился совсем недалеко от парохода. Но это небольшое расстояние показалось мне необычайно длинным. Мои глаза, казалось, вылезали из орбит— с таким напряжением смотрел я на пароход. Но я лишь смутно мог видеть капитана, склонившегося над поручнями и кричавшего во все горло, и матросов, спускавшихся вниз по лестнице, чтобы помочь мне взобраться.

Мне бросили веревку. Она упала на меня. Я ухватился за нее обеими руками, впился в нее ногтями. Я держался за нее с такой силой, что, казалось, раскрошу ее в своих руках.

Матросы дернули веревку, и я понесся вперед, рассекая воду грудью так, что брызги летели во все стороны. Голова и руки мои были над водой. Я попрежнему видел капитана смутно, неопределенно. Рот его был раскрыт. Он бешено размахивал руками. Но я мало думал о нем,—все мои мысли были сосредоточены на моем преследователе.

Это был страшный момент. Даже сейчас я вижу иногда эту картину во сне — этот безумный, горячий бег от опасности — и всегда просыпаюсь в холодном поту...

— Ну, и чем же кончилось ваше приключение?

— Не знаю. Я потерял сознание. Но я крепко

держался за веревку. Меня подняли на борт. Мне передавали впоследствии, что я даже не замочил волос на голове...

Рассказчик минуту помолчал.

— Да, я проделал прекрасный опыт, который никогда не забуду, чорт возьми! — рассмеялся он.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. Гай Карр. Со дна морского	3
Тэпрель Дорлинг. История Мэтью Конолли	26
Уорд Мюр. Акула	53